

В. А. БУЛКИН

КУРГАН 7 ИЗ РАСКОПОК С. И. СЕРГЕЕВА В ГНЕЗДОВЕ¹

Для Верхнего Поднепровья конца I и начала II тысячелетия н. э. Гнездовский могильник представляет новый тип некрополя. Компактное расположение малых и так называемых больших курганов, разница их размеров, устройства и содержания отличают его от могильников культуры смоленских длинных курганов и это позволяет предположить, что его формирование подчинено иным закономерностям².

Устройство рядовых гнездовских курганов хорошо известно по археологической литературе³. В меньшей степени это относится к большим насыпям Гнездова, раскопанным главным образом дореволюционными исследователями. Реконструкция устройства такого кургана еще не дает полного представления о погребальном обряде. Однако наглядность графически выполненной реконструкции в совокупности с описанием, в той мере, в какой позволяет источник, последовательности действий при сооружении погребальной насыпи дают возможность конкретизировать наши суждения об обряде.

Объектом реконструкции выбран курган 7, раскопанный С. И. Сергеевым в 1900 г. и находившийся в Центральной группе Гнездовского могильника. Выбор именно этого кургана обусловлен типичностью его устройства для некоторых больших насыпей Гнездова, а также своеобразием внешней формы, довольно редко встречающейся среди могильных древностей Восточной Европы IX—X вв. При сопоставлении публикации кургана А. А. Спицыным⁴ и документации автора раскопок оказалось, что в публикацию вошли не все данные о кургане. Поэтому основным источником для реконструкции послужила документация С. И. Сергеева⁵.

Насыпь кургана имела круглую в плане форму. Диаметр — около 27,5 м, высота 1,8 м. Верх кургана представлял собой ровную площадку диаметром около 25,5 м, склоны крутые, вокруг основания отмечены следы рва. К моменту раскопок курган был поврежден траншеей балластного карьера, срезавшей южный край, по одним данным автора раскопок, на два метра, по другим — на четыре⁶. При сопоставлении этих величин с размерами раскопочной траншеи более правильной оказалась вторая

¹ Доклад, прочитанный на заседании Группы славяно-русской археологии ЛОИА 13 июня 1972 г.

² Е. А. Шмидт. Археологические памятники периода возникновения города Смоленска. Сб. «Смоленск. Материалы юбилейной научной конференции». Смоленск, 1967, стр. 51—58.

³ В. И. Сизов. Курганы Смоленской губернии. МАР, № 28, 1902; Д. А. Авдусин. Отчет о раскопках гнездовских курганов в 1949 г. «Материалы по изучению Смоленской области», вып. 1. Смоленск, 1952.

⁴ А. А. Спицын. Гнездовские курганы в раскопках С. И. Сергеева. ИАК, вып. 15, 1905, стр. 44—45.

⁵ Архив ЛОИА: ф. 1, дд. 106/1899 и 17/1900.

⁶ Первая цифра приведена в дневнике С. И. Сергеева, вторая — в примечаниях к описи находок.

цифра. Курган был вскрыт частично и, как отмечает С. И. Сергеев, «огнище определило размеры раскопки кургана». Западная половина осталась неисследованной. По мнению С. И. Сергеева, эта часть представляла собой естественное возвышение, к которому с востока был присыпан курган. В нескольких местах здесь были сделаны пробные ямы и определено, что возвышение состоит из слоя глины и песка без культурных прослоек и находок. Тем не менее, С. И. Сергеев установил наблюдение за этой частью, не давшее однако никаких настораживающих результатов. Нераскопанными остались также небольшие северо-восточные и юго-восточные части насыпи. Ширина раскопной траншеи в северном конце равнялась 5 м, а в восточном — 6,5 м, в южном — 21 м. В пределах этой траншеи найдено и расчищено огнище. Горизонт сожжения находился выше основания кургана на 0,7—0,8 м. Огнище представляло «красный слой, перемешанный с пеплом и черным слоем», и резко выделялось на фоне песка. Оно имело овальные очертания, длиной с севера на юг 17 м, шириной — 10,5 м. Огнище обрезано с южного края вышеупомянутой траншеей. Насыпь ниже горизонта сожжения, по всей вероятности, осталась неразобранной.

В северо-восточном секторе огнища найдено скопление вещей. В центре находился котел с костями и головой барана. Рядом с котлом с северной, восточной и южной стороны стояли сосуды с пережженными костями и кусками гребней в двух из них. Пространство между горшками и котлом, частично под ними, было заполнено шерстью барана, в которой найдены куски железной шейной гривны с привесками, цепочка и обрывки золотой канители. В траншее южной части насыпи найдены части конской уздечки, топор и стремя. Остальные вещи скоплений не образовывали и, судя по всему, находились там, куда упали с погребального костра. А. А. Спицын, ознакомившись с коллекцией находок из этого кургана, выделил два десятка целых железных заклепок длиной от 2 до 6,5 см. Сам С. И. Сергеев не знал назначения этих предметов, о чем можно судить по его дневниковым записям, и в описи определял их как гвозди. Кроме того, в записях С. И. Сергеева неоднократно упоминаются не определенные куски железа, пластин с заклепками, стержней. Среди них могли оказаться обломки заклепок. Следовательно, общее число заклепок в этом кургане не ограничивается только количеством целых. На огнище были найдены кости животных, из определимых — птичьи кости и зуб лошади.

Опираясь на все это, можно представить условную графическую реконструкцию кургана на уровне огнища (рис. 1), а также сделать попытку восстановить этапы сооружения насыпи и, отчасти, действия, связанные с погребальным ритуалом. Решение задач осложнено конструктивной необычностью западной половины кургана и расположением огнища, смещенного в восточную часть. Однако ставить под сомнение данные С. И. Сергеева было бы преждевременно, так как, судя по полевой документации автора раскопок и по отзывам о нем А. А. Спицына, это была наблюдательный и добросовестный исследователь⁷.

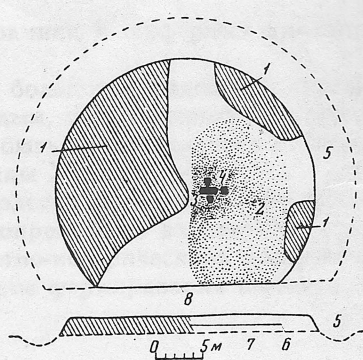
Сооружение кургана представляется следующим образом. Первоначально была выбрана площадка — основание будущей насыпи. О том, что это основание было очищено от растительности и выжжено, можно лишь догадываться, опираясь на раскопки других гнездовских курганов, и в частности больших⁸. Затем на подошве была сделана подсыпка толщиной 70—80 см. Землю для этой цели могли брать вокруг основания, отчего образовался ровик, выделяющий погребальную площадку. Сожжение, судя по описанию С. И. Сергеевым огнища, происходило в самом кургане. Вытянутые очертания огнища и наличие заклепок позволяют допустить, что на погребальной площадке была установлена ладья. В этом случае

⁷ А. А. Спицын. Указ. соч., стр. 7.

⁸ Д. А. Авдусин. Отчет о раскопках гнездовских курганов. «Материалы по изучению Смоленской области», вып. 2. Смоленск, 1957, стр. 173, 174.

Рис. 1. Схематический план и разрез кургана 7 (масштаб дан только для общих контуров насыпи и огнища)

1 — недокопаные части насыпи; 2 — огнище; 3 — котел; 4 — урны; 5 — ровик кургана (обозначен условно); 6 — уровень огнища; 7 — уровень основания насыпи (обозначен условно); 8 — стенка траншеи, прорезавшей южную часть насыпи

ориентировка ладьи будет соответствовать меридиональной ориентировке огнища. Размеры ее восстановить невозможно. Ясно лишь, что она не могла превышать размеров огнища — $17 \times 10,5$ м. Расположение тела в ладье головой на север, очевидно, к корме, определяется тем, что части конского снаряжения и топор, обычно укладываемые в ногах или сбоку от покойника, здесь найдены у южного края огнища.

Судя по некоторым из сохранившихся вещей, найденным на огнище, — бусам, овальной фибуле, нагрудной цепи, различным подвескам, шиферным пряслицам и иглам, в ладью была положена женщина. Топор, ледоходные шипы и конская упряжь могли бы, в какой-то мере, свидетельствовать о том, что в ладье находился и мужчина, если бы была уверенность в том, что эти предметы никогда не обнаруживали при женских захоронениях. Однако уверенности в этом нет⁹. Показательно также отсутствие поясного набора — важного признака мужских погребений больших курганов Гнездова. Другие вещи с огнища — гребень (или гребни), оселки, гривна, весы, гирька и ларец (?) встречаются как в мужских, так и в женских захоронениях. Все это затрудняет окончательное определение количества погребенных в этом кургане, но не исключено, что захоронение было одиночным, и притом женским.

После того как потух погребальный костер, на месте сожжения был зарезан баран. Голову и конечности животного уложили в котел, который поместили затем на подстилке из шкуры барана на огнище. Рядом с котлом установили три урны с пережженными костями. В две из них положили (?) куски гребня. Между котлом и урнами в шерсть барана бросили разломанную железную гривну. Кроме барана, в жертву была принесена какая-то птица, возможно, курица¹⁰. находка в траншее части конской упряжи, не порченной огнем, показывает, что вещь была положена в южной части погребальной площадки после сожжения. О погребении коня в этой части может свидетельствовать находка на огнище конского зуба. Однако серьезное повреждение насыпи делает подобное заключение сугубо предположительным. На погребальной площадке были разбиты сосуды, куски которых обнаружены в разных частях огнища¹¹. После завершения всех этих церемоний над погребальной площадкой возвели метровую насыпь. Ее вершине придали форму большой горизонтальной площадки. Время сооружения кургана 7 можно предварительно определить,

⁹ M. Müller-Wille. Bestattung im Boot. «Studien zu einer nordeuropäischen Grabsitte». Offa, В 25/26. Neumünster, 1968/69, стр. 75—80, 143.

¹⁰ А. А. Спицын отмечает, что кости животных были «пережженные и измельченные» (А. А. Спицын. Указ. соч., стр. 45). В записях С. И. Сергеева таких сведений не содержится. По наблюдениям В. И. Сизова, кости животных в гнездовских курганах оказывались не сожженными, а лишь обугленными или закоптелыми, т. е. жертвы закалывали после сожжения трупа (В. Сизов. Указ. соч., стр. 13).

¹¹ Битье сосудов при погребении в гнездовских курганах впервые отмечено В. И. Сизовым (В. И. Сизов. Указ. соч., стр. 18, 19). По имеющимся данным трудно судить о том, когда оно происходило, — до или после сожжения.

опираясь на находки гончарной керамики и шиферных пряслиц, в рамках второй половины X—начала XI в.

Подобное устройство некоторых больших гнездовских курганов отнюдь не является для могильника чуждым, привнесенным со стороны. Предшествующие этапы этого явления, быть может, следует искать в курганах Гнездова конца IX—первой половины X в.¹²

Обращает на себя внимание сходство ряда признаков больших курганов Гнездова и Чернигова. Этот вопрос, мало затронутый в археологической литературе, по своему конкретно-историческому содержанию мог бы занять важное место в обширной теме формирования высшего социального слоя Древней Руси.

¹² Погребение в кургане 7 совершено, бесспорно, по скандинавским традициям.